

присущего лирической прозе суггестивного влияния на читателя, писатели активно привлекают смежные виды искусства. Автор акцентирует внимание на значении импрессионизма и экспрессионизма для развития образной структуры лирической прозы.

Ключевые слова: лирическая проза, метажанр, синкретизм, импрессионизм, экспрессионизм, синестезия.

Summary

The article is about an originality of a metagenre of lyrical prose, in particular, author focuses on features of its poetics. The prosaic form dictates own requirements to selection of means of figurative which should answer the lyrical semantic organization of this metagenre. For better expressiveness of figurativeness, and also suggestive influence inherent in lyrical prose, writers actively involve adjacent art forms. The author focuses attention on value of impressionism and expressionism for development of figurative structure of lyrical prose.

Keywords: lyrical prose, metagenre, syncretism, impressionism, expressionism, synesthesia.

УДК 82

Жарова И.Ю.,
аспирантка,
Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА “ПРОСКИНИТАРИЯ” АРСЕНИЯ СУХАНОВА

Арсений (в миру Антон Путилович Суханов) (ок. 1600–14.08.1668 г.) – церковный деятель, келарь Троице-Сергиевого монастыря, писатель, дипломат, заведующий Московским печатным двором. В 1649 г. старца отправили в Иерусалим для описания состояния православной веры в Святой Земле. Свои наблюдения и замечания посланник изложил в труде “Проскинитарий”.

В данной статье рассматривается историческая основа записок А. Суханова. По утверждению С.А. Белокурова [3, 308], произведение сохранилось в 2-х авторских редакциях: полной, предназначавшейся для патриарха Иосифа, одного из инициаторов поездки иеромонаха, и краткой, созданной для Никона, который пришел на патриаршество во время путешествия старца. Этот текст привлекал внимание исследователей с XIX в., но чаще всего изучалась его роль в расколе русской церкви. Действительно, в литературной работе Арсения детально зафиксированы все отклонения от канонов в поведении восточного духовенства. Подобные наблюдения активно использовались старообрядцами для доказательства антиправославной сущности реформ Никона. Вместе с тем, отчет русского посланника включает широкий круг ценных исторических сведений об обстановке в странах Востока, а также о некоторых необычных событиях в бытовой жизни мест, которые он посетил.

В 40-х гг. XVII в. в Москве был создан “кружок ревнителей древнего благочестия”, в который входили известные представители духовенства и светские лица (царь Алексей Михайлович, его духовник Стефан Вонифатьев, будущий

патриарх Никон и др.). Одной их основных целей деятельности этого общества стала установка единообразия в текстах богослужебных книг. Помимо этого в 1649 г. за милостыней на украшение храма Гроба Господня прибыл иерусалимский патриарх Паисий (1644–1661). Посетив одно из богослужений, он сообщил государю, что русский обряд не соответствует восточному. Начались обсуждения того, какой устав следует выбрать оригиналом, по которому будут исправляться разночтения. В решении этого вопроса определяющее значение имели политические аспекты. Образцом должны были послужить греческие типиконы: Россия стремилась стать единственной хранительницей “истинного” православия, поэтому ориентиром для “книжной справки” стала наиболее древняя, византийская традиция. В то же время, в этот период в русском обществе велись дискуссии по проблеме сохранения “чистоты” палестинской церкви под властью мусульман. Концепция “Москва – третий Рим” получила новую жизнь.

Арсений Суханов отправился в путь 10 мая 1649 г. вместе с патриархом Паисием. Поездка прерывалась несколько раз, т.к. иеромонах был вынужден возвращаться. Помимо основной задачи, т.е. описания специфики греческой обрядности, он получил ряд поручений от Посольского приказа, например *“в польской земли, и что какихъ услышишь вестей, и тебѣ-бѣ писать к государю”* [1, 4]. В поездке он получил сведения, важные для решения некоторых внутривластных проблем. В частности, после прибытия в Яссы в октябре 1649 г., старец выяснил, что Тимофей Анкудинов (1617–1654), который разыскивался русскими властями как государственный преступник, пребывает в Прикарпатье. Чтобы доложить о местонахождении самозванца, выдававшего себя за наследника престола, сына Василия IV Шуйского, Арсений вновь прибыл в Москву в ноябре.

В обратный путь он отправился только 21 января 1650 г. в Тырговиште (Торговище), где по-прежнему жил иерусалимский иерарх. В дороге он узнал о том, что на Афоне были сожжены богослужебные книги московской печати, а старец Дамаскин, который учил по ним, был назван еретиком. Это событие послужило поводом для прений иеромонаха с Паисием и его окружением. Диспут затянулся на несколько месяцев (с апреля по июнь), всего было четыре беседы по основным вопросам религиозной обрядности и богословия. После дискуссий иеромонах написал “Прения с греками о вере”, который представил в Посольский приказ. По-видимому, это сочинение Арсений счел достаточно полным отчетом о состоянии православия на Востоке, в котором подробно объясняется, почему указаниям восточных патриархов нельзя следовать: они не сохранили “чистой” веры. В Москве, напротив, пришли к выводу, что собранные сведения недостаточны, и заявили о необходимости поездки в Палестину для того, чтобы получить объективную информацию, в частности о практике местного богослужения. Однако поездка в Иерусалим за требуемыми данными вновь была отложена. Суханов отправился в Украину, т.к. узнал, что Анкудинов находится при дворе Богдана Хмельницкого (1595–1657). 2 ноября старец прибыл в Чигирин. Выдать авантюриста гетман отказался, мотивировав свой поступок маловажностью

личности самого беглеца. Основной темой переговоров стало присоединение Украины к России: “просили у него, государя, помочи, и били челом, чтоб государь <...> принял под свою царскую державу” [5, 92]. Самостоятельно обеспечить безопасность своих границ от военных действий Речи Посполитой казачество не могло, поэтому хотело получить мощных союзников. Несмотря на то, что Хмельницкий неоднократно говорил о том, что этот вопрос необходимо решить в ближайшее время, положительно заключение было принято в Москве 1 октября 1653 г. на Земском соборе.

Лишь 24 февраля 1651 г. Арсений поехал к патриарху Паисию, чтобы с ним отправиться в Иерусалим. Дьяк Посольского приказа, Михаил Волошенинов (ум. 1653), дал указание “*помня часъ смертный, писалъ бы всю правду, безъ прикладу*” [1, 3], т.е. без собственных домыслов и рассуждений, которые преобладают в “Прениях с греками о вере”. Помимо изучения специфики богослужения, от Суханова требовали описание схождения Святого огня на праздник Пасхи, в Великую субботу. “Русские сильно интересовались небесным иерусалимским огнем и его свойствами”, вероятно, в силу того, что относительно последнего “очевидцы и разногласили” [7, 133]. Кроме этого, он получил список вопросов к константинопольскому патриарху Парфению, касающихся, главным образом, частных вопросов быта священнослужителей и отдельных элементов религиозных обрядов, и ряд частных просьб (напр., князя А.М. Львова о благословении от патриарха). Путь русского посланника пролегал через литовские города, и он был свидетелем грабежей, которые устраивали татары, идущие из Крыма на помощь к гетману Хмельницкому: “*и по дорогам и по селамъ имали кормы, кони и скоть, и людей грабили, и въ городахъ везде и изъ сельъ сбежались во осаду*” [1, 5], чуть позже он укажет, что “*перевозились <...> турские люди, идутъ к Богдану Хмельницкому*” [1, 9]. Военная обстановка в Восточной Европе была довольно сложная в связи с неопределенностью расстановки боевых сил. Когда старец 23 апреля прибыл в Яссы, воевода немедленно попытался узнать военные планы России: “*Василий <...> говорил: да что на Москве люди ратные в сборе, куда они пойдут?*” [1, 6]. Наведя справки о местонахождении Паисия, Арсений выяснил, что тот до сих пор в Тырговиште и возвращаться в Иерусалим не намерен из-за неприязненных отношений с патриархом Парфением, поэтому отправился в дальнейший путь самостоятельно.

Сначала он плыл по Дунаю, при этом делал заметки даже о тех местах, которые видел мельком: “*городъ Исакчи, стоит на правом берегу Дуная, каменной белой, около его посадъ великъ*” [1, 8]. Первый город, который описывается достаточно подробно – “турской” Измаил: “*место велико, сказываютъ 8 тысяч домов, а города нету, посад токмо <...> тутъ и церковь христіанская патриаха иерусалимскаго, каменная ...*” [1, 9]. 29 мая Арсений со спутниками ночевал в Килии: “*город каменной, крепокъ добре, башни часты, бою поземнаго нетъ, стоит на ровномъ месте на низкомъ*” [1, 9]. В таком же ключе повествуется и о следующем месте, мысе Фонаре, “*башни каменные, на правой*

стороне меньше, а на левой больше <...> те башни полны пушекъ и сторожа де тутъ крепкая” [1, 14]. Данная тенденция будет прослеживаться и при изображении других пунктов маршрута. Внимание паломника явно привлекают фортификационные сооружения и вооружённые силы Османской империи: “войско наши, 42 каторги⁴² <...> а гребцовъ на весле по 4, а индѣ по 5, по 6” [1, 36]. Вероятно, это связано с тем, что восточные иерархи в каждом посольстве просили Алексея Михайловича объединиться с Богданом Хмельницким и выступить против Турции для освобождения Святой Земли от владычества мусульман. В связи с этим, интерес Суханова к укреплению городов, количеству стражи, предположения о наиболее грамотной технике ведения боя, объясняется тем, что эти сведения он собирал целенаправленно, прогнозируя возможность военных действий России.

За 4 дня корабль доплыл до Чёрного моря и 12 июня причалил у пристани Константинополя. По наблюдению востоковеда Б.М. Данцига, Арсению принадлежит одно из первых в русской литературе описание Босфора [4, 224]: “Отъ Чернаго моря протока въ Белое море, якоже река великая, мню, яко изъ самопала добраго перестрелить” [1, 13]. Столица империи описана подробно: географическое положение, топографические особенности, достопримечательности, оборонительные сооружения. Сразу после приезда иеромонах узнал о гибели патриарха Парфения II (1648–1651) и о казни его убийцы (Михаила, или Михалаки): “патриарха убиль, и того де повесили у двора патриарша на воротехъ” [1, 19–20]. Суханов не сомневался в причастности к этому преступлению иерусалимского патриарха. В монографии С.А. Белокурова приводятся цитаты из полной редакции “Проскинитария”, которая содержит подробности этого трагического происшествия: по словам архимандрита Амфилогия, Паисий организовал заговор с привлечением Матвея Бассарабы (ум. 1654) и Василия Лупулы (ум. 1653) волошкого и мутьянского воевод, прислал туркам денег, чтобы они составили грамоту о необходимости ссылки Парфения. Когда последний был взят приставом, его посадили в судно, в котором находились и все вышеперечисленные люди, и “тут де Михалаки гречин с товарищи патриарха зарезал и во многих местах изрезал и исколол” [3, 255].

В связи с кризисным положением в религиозной жизни Константинополя, русский посланник не стал задерживаться надолго в городе и уже 19 июня продолжил свой путь на корабле. Маршрут проходил через Галлипольский полуостров, острова Лесбос, Хиос, Самос, Патмос, Лерос и др. В пути он заметил, что “отъ самаго Царяграда и Чернаго моря по всему Белому морю <...> везде замусорено белымъ камень, якобы известъ плаваетъ по морю камень белое <...>” [1, 33] и сразу объяснил этот необычный факт: “сказываютъ отъ острова Сандорыни <...> в 7159 году сентября въ 26 день чудо страшное было, подобно якоже Содому провалилась в мори земля” [1, 33]. В данном случае иеромонах указывает точную дату последнего извержения подводного вулкана Колумбо, но смешивает последствия его деятельности с событиями 1627 г до н.э.

⁴² В значении “галера”.

Именно тогда кардинально изменилась форма острова: после извержения вулкана Санторин, его кратер провалился, и образовалась огромная воронка, которая была затоплена морем. Далее внимание паломника привлёк о. Родос, где располагался турецкий флот. В это время Османская империя вела военные действия против Венецианской республики (“франков”). Современные исследователи дают следующие данные: в эскадре на указанный период находилось 114 боевых единиц. В битве 10 июля 1651 г. около о. Наксос, о последствиях которой и писал Суханов, турецкий флот потерпел поражение, утратив 11 парусных кораблей и 1 галеас [10]. Русский посланник достаточно точен в своих оценках общего количества флотилии: *“было войска турскаго 110 кораблей”* [1, 35], но потери преувеличивает: *“франки взяли турскихъ 25 великихъ галионовъ, да большую самую каторгу”* [1, 35].

13 августа корабль Арсения прибыл в Александрию. Традиционно сделав всестороннее описание города, иеромонах традиционно обращает внимание на систему водоснабжения, безусловно, непривычную для русского человека: *“въ полую воду изъ Нила протоки заливаются до Александрии, и изъ тѣхъ протоковъ приведена трубою вода подъ градъ и наполняетъ во весь градъ устроенные кладези въ земли”* [1, 43–44]. Необходимо заметить, что Суханов действительно изучает специфику организацию подачи воды в различных городах и замечает различия: *“живуть во Иерусалимѣ <...> все дождевою водою, <...> у каждого на своемъ дворѣ потоки приведены къ одному мѣсту, и в землѣ подѣланы истерны глубоки”* [1, 108]. Паломник указывает на неудовлетворительное положение религиозно значимых мест: от дома родителей великомученицы Екатерины остались развалины, церковь святого Марка разрушена, православный соборный храм перестроен под дворец паши. *“Проблема сохранения христианского культурного наследия ни у кого из русских паломников ранее не звучала, да еще с такой остротой”* [9, 205]. Отрицательную оценку заслужила и практика совместного использования культовых сооружений представителей разных конфессий: *“а въ церкви въ одной половинѣ служатъ патриарши, а въ другой половинѣ два престола венецкихъ нѣмецъ, да французскихъ, служатъ приходятъ чернцы римские”* [1, 44]. *“Его предшественники останавливали свое внимание на этих вопросах, однако они не были так внимательны и подробны, как иеромонах Арсений”* [9, 192]. 19 августа Арсений отправился в Египет (Мисирь) прибыл 1 сентября. Здесь он прожил около 20 дней, успел осмотреть берега Нила, посетить Абукир, Розетту, и Каир, где в это время был александрийский патриарх Иоанникий. Именно к нему обратился старец для получения разъяснений о спорных моментах богослужения. Беседа проходила 10 сентября. Можно предположить, что она была эмоционально напряженной, возможно, сопровождалась спорами по отдельным пунктам, но в отчёте старец записал только вопросы и ответы на них: *“Арсений рекъ: мощно ли неженатого въ попы поставитъ? И патриархъ рекъ: мощно <...>”* [1, 59].

Выполнив поручение патриарха Иосифа, паломник поехал в Иерусалим, который был конечной точкой его странствия. Путь пролегал мимо Дамьята

(Думьята), Иоппии (Яффы), Рамлю (Рамле), где Суханов был на литургии в церкви святого Георгия. С этого момента в “Проскинитарии” он начинает фиксировать отличия русского обряда от византийского и указывать на ошибки духовенства в священнодействии. В частности, старец подчеркнул, что служба ведется фактически на арабском языке, а не на греческом. 6 октября иеромонах прибыл к месту назначения и остановился на подворье Паисия. Образ жизни, который вели монахи, произвел на него негативное впечатление. Они не только надевали клобуков, но многие даже носили чалмы, употребляли в пост сахар, некоторые были не пострижены и пр. Никаких объективных причин для таких отступлений от церковных канонов Арсений не обнаружил. Более того, он обличал восточное духовенство в нерадивости, лживости и корыстолюбии: *“а иные греки лжуть на турков, выльгають ей милостыню, будто и чалмы имь турчинь велить носить, а манатей и клобуковъ не велить <...> и то все ложь. И по торгу и по граду и около града многажды азъ ходихъ, отнюдь не единого слова не слыхаль ни от кого”* [1, 78–79]. О том, что паломник ведёт записи, знал как иерарх иерусалимской церкви, так и все его окружение. Поэтому Паисий стал строже следить за исполнением монастырского устава, а некоторые чернецы высказывали пожелание, чтобы *“патриархъ тѣ его книги взялъ да сожегъ”* [1, 96]. С 10 октября до 9 ноября русский посланник прекращает повествование. Причины этого на данный момент невозможно установить. С.А. Белокуров предполагал, что “это время он употребил на отдых после своего продолжительного путешествия, а также на предварительный осмотр города Иерусалима” [3, 276–277]. Однако Суханов делал заметки даже о тех местах, мимо которых проезжал, хотя и не мог получить полной и достоверной информации при столь кратком ознакомлении с ними. Поэтому маловероятно, что при длительном пребывании в городе он не зафиксировал ни одной детали. К тому же записки возобновляются не рассказом об увиденном, а описанием обедни в Гефсимании, на которой побывал старец. Можно заметить, что он был не только сторонним наблюдателем происходящих событий, но и принимал в них участие. Так, иеромонах постриг Паисия Лигарида, будущего митрополита Газы, сыгравшего значительную роль в деле низложения Никона.

Праздничную службу в Рождество Христово (25 декабря) Арсений посетил в Вифлееме. Поведение верующих в храме поразило старца распушенностью: *“и крикъ, и шумъ, и хлѣбъ продають, и въ дудки играють, и робята шумять, кричатъ, играють, скачуть по всей церкви <...>”* [1, 76]. Были у него и претензии к монахам, поддерживающим порядок в церкви. Поводом для наставнической беседы послужила просьба игумена о милостыне от российского царя на восстановление “попорченной” крыши. В разговоре Суханов дал ряд советов, в частности, нанять сторожа, чтобы он пресекал попытки использования собора как места ночлега или торговли. Не давая прямых оценок и комментариев, не допуская открытой критики, русский посланник, тем не менее явственно демонстрирует падение духовного уровня как восточного духовенства, так и паствы. В частности, в “Проскинитарии” паломник отметил все контакты Паисия с “еретиками”: общение с турецким пашой

Мехмедом IV (1648–1687), представителями католической общины (“франками”) и даже армянским патриархом Пилипосом I (1633–1655). А назаретский патриарх Гавриил, сообщает посланник, архиерейскую шапку, входящую в состав праздничного облачения и подаренную ему в Москве, “заложилъ в закладъ” [1, 107]. По всей вероятности, от неиспользуемой детали одежды “патриарх <...> избавился, предпочтя ее денежный эквивалент” [8, 402]. В Лазореву субботу старец посетил два важнейших культовых места: Вифанию (Эл-Азарье), где Иисус воскресил Лазаря, и Елеонскую гору, где Спаситель молился перед арестом. Поклонение продолжилось в Великий понедельник, когда путники отправились на Иордан. В фрагменте, посвященном описанию этого пути, автор невольно подтверждает факт, что турецкие власти были заинтересованы в христианских богомольцах, поборы с которых значительно пополняли казну. Поэтому даже выделяли охрану для обеспечения безопасности в дороге к тем пунктам, которые находились далеко от города: “паша иерусалимской выдетъ с войскомъ своимъ для оберегания поклонниковъ отъ пустынныхъ степныхъ араповъ” [1, 99–99]. К священной реке странники добрались на следующий день. Суханов, как обычно, максимально подробно описывает новый объект, при этом указывает его реальное состояние на данный момент времени, а не использует устойчивые выражения: “въ то время вода шла прибылая, желта и быстра, а какъ стоица, гораздо бѣла, и сладка <...>” [1, 102]. После Арсений с товарищами отправился на гору Сарандарь, на которой 40 дней молился и постился Иисус, и отмечает старинный паломнический обряд “съ то место камень емлють поклонницѣ” [1, 102].

В Великую субботу (праздник Пасхи) иеромонах получил возможность наблюдать и дать подробный отчет о процессе схождения благодатного огня на гроб Господень. Интересно, что старец детально рассказал обо всем, что произошло на его глазах: от неблагоприятного поведения монахов: “копти <...> мало не разодралися с митропомъ” [1, 113],– до того, как Паисию, вышедшему с зажженными свечами, отдавили ногу в толпе. Но никаких предположений о том, как огонь появился, высказано не было. Возможно, поэтому в среде старообрядцев возникла гипотеза, которая подтверждалась ссылкой на “Проскинитарий”, что с приходом Никона Господь перестал являть это чудо. С.А. Белокуров выдвинул гипотезу, что объяснения были даны посланником позже, в устном отчете. Более вероятно, что Арсений не стал писать о том, чего сам не видел: в двери гроба Христова вошел только иерусалимский патриарх, и что там происходило, знал только он. 25 апреля, в воскресенье, Суханов, по традиции, купил 30 просвир для службы за здоровье всех членов царской семьи, бояр и своих знакомых духовных лиц, а также за упокой “благодарныхъ царей и цариць, и за патриарховъ, и за митрополитовъ, и архиепископовъ <...> и прочихъ знаемыхъ преставльшихся” [1, 118]. Также он упоминает, что в конце книги будет именная роспись “сердоболей и сродников” [1, 118], но ни в одной из известных рукописей этого списка нет, хотя в списке Синодального собрания № 574 несколько листов, отделяющих первую главу от второй, оставлены пустыми.

На следующий день, 26 апреля 1653 г., русский посланник отправился в Москву. Обратный путь пролегал через Сирию (Шам (Дамаск), Халеп (Алеппо)), восточную Анатолию (Эрзинджан (Эздрыган), Эрзурум (Эрзерум)), Армению, Азербайджан (Гянжа (Генжа), Шемаха), Грузию (Тифлис) и Дагестан (Дербент, Тарки). Причины, по которым он выбрал сухопутный маршрут, более длительный и опасный, чем морской, неизвестны. Возможно, Арсений хотел получить сведения о Ризе Господней, хранящейся в одном из грузинских храмов. В 1622 г. шах Аббас, захвативший Иберию (Иверию), утверждал, что нашел именно эту святыню и отправил ее как подношение царю Михаилу Федоровичу. И государь даже проверял этот дар на подлинность: несколько доверенных людей выясняли, происходят ли чудеса при прикосновении к сакральному объекту. Судя по данному автором описанию, в кафедральном монастыре Мцхета (Цхето), находился хитон Христа, который был разыгран стражей после Распятия, поэтому, в отличие от ризы, разделенной на четыре части, остался невредим: *“риза Христа Бога нашего, цѣла вся, нерушена”* [1, 142]. Не исключено, что Суханов должен был проследить, выполняются ли те указания, которые были даны участниками посольства 1647 г. Иногда проследить дорогу странников не представляется возможным, т.к. автор не указывает конкретных ориентиров: *“въ среду, проехали на зари, монастырь каменной новъ весь, переѣхавъ тотъ лѣсъ, ночевали в поли <...> во 2 день ночевали въ дубровѣ, переѣхавъ рѣку велику”* [1, 186]. Судя по всему, Арсений сам не знал, где точно пролегал путь. В остальных случаях рассказы точны, но менее подробны, чем описания святых мест. Крайне скупо изображены горы, непривычные для московского монаха, для их наименования используются как библейские, так и современные названия: *“стали у горы Фаворъ”* [1, 120], *“Арарать <...> по турски Акрыдагъ, а по армянски Мисысь-дагъ”* [1, 134–134]. Намного детальнее иеромонах описывает реки, сравнивая их с русскими, знакомыми читателю: Карасу (Ефрат), Арацани (Муратсу), Аракс, Арпачай, например: *“Ефратъ, искривлялась гораздо, островиста, береги низешенки, быстра сильно, идетъ съ шумомъ по камени, а не широка, мало уже Москвы рѣки”* [1, 127].

На этом отрезке пути Суханова больше интересовали политические проблемы. Он описывает последствия военных действий, общественные настроения в Картли, трудное положение российской торговли, планы ханств на развитие коммерческих отношений с Каспием, междоусобицы князей и пр. Многие государства Северного Кавказа в этот период имели натянутые отношения с граничащими странами: *“а ныне де на Тереку верять все князю Мусалу <...> хотя де черкесовъ потеснить, да корован погромили и шахову казну поимали <...> пословъ де нашихъ держали долгое время, да мужика убили. А на Шавкала де приходили многими людьми, и Шавкал де побиль ихъ”* [1, 147–148]. “Рустем-хан вторгся в 1648 г. в Кахетию и, разбив войска Теймураза, вынудил его отойти в Имерети. В результате этого кахетинская земля была передана в управление Рустем-хану” [2, 95]. Не было мирного диалога и с Россией. В Шемахе русские купцы не могли получить выездную грамоту. И посланник специально *“не являлся*

шемахинскому хану для того, чтобы и его не приписали к русским торговым же людям” [1, 136]. В Тифлисе епископ Елисей выразил желание части населения о передаче Кахетии (Грузии) под управление царя Алексея Михайловича и даже сообщил сведения о количестве людей в войске хана: “да приписных людей грузинских двадцать четыре тысячи” [1, 140]. Сам иеромонах предпочел на допросе князя Сурхая в Тарках скрыть информацию о себе, поэтому сообщил, что он родился в Москве, но давно живёт в Иерусалиме, следовательно, задерживать его смысла нет, он практически иноземец. Старцу были заданы вопросы об истории христианства, но конкретные примеры автор не стал приводить: “тѣхъ ихъ скверныхъ вопросовъ писати Арсеній презрѣлъ” [1, 153]. Иеромонах был отпущен ханом только после уплаты значительного выкупа: “двои по три рубли, двои по полтора рубли, один по два рубли, алтабасу⁴³ серебряного на белом шолку <...>” [1, 155]. 27 марта паломник прибыл в Астрахань, 5 апреля двинулся дальше и 7 июня 1653 г. вернулся в Москву.

Путешествие Арсения уникально – это было первое в России паломничество, совершённое с исследовательской целью. Отчёт о нем, “Проскинитарий”, можно назвать энциклопедичным произведением, т.к. он включает широкий круг сведений по различным областям деятельности: экономика, политика, торговля, религия, военное положение. Данные, собранные Сухановым, точны, объективны, поэтому данный материал Никон использовал при строительстве Новоиерусалимского монастыря в Воскресенске. Эта информация имеет значительную ценность для историков, географов, этнографов и пр. Литературный труд русского посланника – один из самых полных и значимых за всю историю хождения русских людей в святые земли.

Литература

1. Арсеній (Суханов). Проскинитарий / Арсеній (Суханов). – ГИМ, Синод. собр. – № 574.
2. Ахмедова С. А. Восток в древнерусской литературе (на материале “хождений”) : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Ахмедова. – Баку : Азербайджанский пед. ин-т рус. яз. и лит. им. М. Ф. Ахундова, 1990. – 147 с.
3. Белокуров С. А. Арсеній Суханов : монография / С. А. Белокуров. – М. : Университетская тип., 1891. – Ч. 1. – 282 с.
4. Данциг Б. М. Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси : монография / Б. М. Данциг. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 231 с.
5. Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты : проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования : монография / Л. В. Заборовский. – М. : Памятники исторической мысли, 1998. – Часть 1 : источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. – 374 с.
6. Каган М. Д. Арсеній / М. Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси : сб. науч. ст. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1992. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 98–103.
7. Каптерев Н. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI и до конца XVIII столетия / Н. Каптерев // Православный палестинский сборник. – М. : Университетская тип., 1887. – Вып. I. – 595 с.

⁴³ Алтабас – плотная шелковая ткань с орнаментами или фоном из золотой или вызолоченной нити, разновидность парчи.

8. Кириллина С. А. “Очарованные странники” : арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий : монография / С. А. Кириллина. – М. : Ключ-С, 2010. – 563 с.
9. Кочеляева Н.А. Памятники русской паломнической письменности (XII–XVII вв.) в мемориализации христианского культурного наследия : дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Кочеляева. – М., 2004. – 313 с.
10. Парусный военно-морской флот Османской империи 1600–1700 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://warships2007.narod.ru/turkish1600-1700.htm>.

Аннотация

В статье освещаются и частично реконструируются исторические события, которые нашли отражение в тексте “Проскинитария” Арсения Суханова. Анализируется, в какой мере изложенные сведения объективно характеризуют процессы общественно-политической жизни стран Востока. Сделан вывод о принципиальном значении информации, полученной автором, для русского общества.

Ключевые слова: военное положение, маршрут, политическое событие, путевая литература Древней Руси, проскинитарий, посольство.

Анотація

У статті висвітлено та частково реконструйовано історичні події, які знайшли відображення в тексті “Проскинитарія” Арсенія Суханова. Проаналізовано, якою мірою подані свідчення об'єктивно характеризують процеси суспільно-політичного життя країн Сходу. Зроблено висновок про принципове значення інформації, отриманої автором, для російського суспільства.

Ключові слова: воєнне становище, маршрут, політична подія, подорожня література Стародавньої Русі, проскінитарій, посольство.

Summary

The article enlightens and partially reconstructs historic events shown in Arseniy Suhanov's “Proskinitariya”. The author analyses how objectively the presented information characterizes the Eastern countries socio-political life processes. One can find the conclusion concerning the information principal significance got by the author for the Russian society.

Keywords: defense situation, route, political event, itinerary literature of Ancient Rus, proskinitariy, embassy.

УДК 821.091

Сідорцова С.О.,
аспірантка,
Бердянський державний
педагогічний університет

ПОЕТИКА ПЕЙЗАЖУ: ТЕОРЕТИЧНИЙ АСПЕКТ

Пейзаж у художньому творі є одним із найголовніших засобів, що дозволяють висловити уявлення людини про світ та про саму себе. Художні образи природи завжди насичені духовно-філософським та моральним змістом, тому вони і є та “картина світу”, що визначає ставлення людини до всього довкілля.

Поетика пейзажу знаходить своє обґрунтування у філософії мистецтва. Це досить складне і багатовимірне утворення, що оформилося у традицію